

ГЛАВА II

Академия наук в дореволюционной России

§ 1. Академия наук и власть

Петербургская Академия наук являлась признанным центром отечественной культуры и науки. Регламентом Академии, утвержденным императором Александром I в 1803 году, на нее возлагались конкретные многочисленные функции, которыми ей однозначно определялась роль ведущего общероссийского центра науки и организации научных исследований. Так, § 6 Регламента гласил: «Академия как первое ученое общество в империи решит все ученые суждения и споры, также сомнения и вопросы тех мест, которым нужно будет в таких случаях ее мнение. Она рассматривает беспристрастным образом все машины и открытия, представляемые ей для исследования»¹.

На протяжении ряда десятилетий академическим учреждениям, отечественным ученым своей деятельностью удавалось поддерживать общегосударственный и международный авторитет Академии, развивать эту академическую традицию. В § 1 академического Устава, утвержденного Николаем I в 1836 году, указывалось: «Академия наук есть первенствующее ученое сословие в Российской Империи»². В то же время, несмотря на крупные заслуги перед отечественной культурой и наукой, к середине XIX столетия Академия постепенно начала утрачивать завоеванные ранее передовые позиции. Она оставалась иногда в стороне от разработки актуальных проблем науки того времени, стала во многом походить на многие западноевропейские академии с их кастовостью, замкнутостью от внешнего мира, недостаточной актуальностью и эффективностью проводимых научных исследований³.

Одной из главных причин подобного положения дел являлось то, что Академия продолжала функционировать на основе Устава 1836 года, который во многом устарел к началу 1860-х годов.

Попытки реформирования Академии наук в 1860-х годах, к сожалению, положительных результатов не дали. В апреле 1866 года новый министр народного просвещения Д. А. Толстой приостановил процесс принятия нового академического Устава, внесенного ранее либерально настроенным А. В. Головиным в Государственный Совет. Таким образом, вопрос об академической реформе был снят с повестки дня⁴. Академия продолжала оставаться корпоративным, замкнутым учреждением.

С наступлением нового подъема общественной жизни в России, явные признаки которого обозначились к концу 1880-х годов, вновь наметились попытки реформирования Академии. По времени это совпало с назначением великого князя Константина Константиновича президентом Академии наук.

Академия наук в то время находилась в ведении Министерства народного просвещения, поэтому по всем академическим делам право всеподданнейшего доклада царю имел только министр народного просвещения. 4 мая 1889 года министр граф Иван Давидович Делянов в своем письме к великому князю Константину Константиновичу сообщил о том, что «Государю Императору благоугодно было в 3 день текущего мая назначить Ваше Императорское Высочество президентом Императорской Академии наук»⁵. Соответствующий высочайший указ был направлен и министру юстиции для внесения в Правительствующий Сенат. Итак, 3 мая 1889 года 30-летний великий князь стал двенадцатым по счету президентом Императорской Академии наук, с момента ее основания в 1725 году. Истории было угодно распорядиться так, что он стал последним ее президентом, назначенным царской волей; следующим стал академик А. П. Карпинский, которого избрали уже сами ученые в мае 1917 года.

Одна из влиятельных русских газет, «Новое время», так приветствовала это назначение в своей передовой статье: «Именным Высочайшим указом Правительствующему Сенату великий князь Константин Константинович назначен президентом Императорской Академии наук. Это высокое и почетное звание представителя и ходатая о нуждах русской науки вполне соответствует как дарованиям нового президента Академии, заявившего

*Великий князь Константин Константинович,
президент Академии наук в 1889–1915 годах*

себя литературным талантом и известного всей читающей России под скромными инициалами (К. Р.), с которыми появлялись в печати (в том числе и в нашей газете) плоды его поэтических вдохновений, так и его русскому сердцу. Все это дает право приветствовать счастливый выбор. Нет сомнения, что при нем еще более оживится пробудившаяся в последнее время деятельность Академии...»⁶

Вступление в новую должность было решено приурочить к очередному Общему собранию Академии, которое состоялось 13 мая 1889 года. В этот день все члены первенствующего в России ученого

сословия собрались в конференц-зале знаменитого здания Академии наук на Университетской набережной в Санкт-Петербурге. Сначала был оглашен высочайший указ: «Его Императорскому Высочеству государю великому князю Константину Константиновичу всемилоостивейше повелеваем быть президентом Императорской Академии наук». Заметим, что ученые мужи выслушали чтение указа, почтительно стоя. После этого к Общему собранию обратился с короткой речью новый президент, который отметил: «Выпавшее на мою долю призвание представляется мне обязанностью столь же отрадной и завидною, сколь трудною и ответственною...»⁷

Действительно, задачи, выпавшие на долю Константина Константиновича, были не из легких. В послереформенной России с большим трудом прививались ростки новых общественных отношений, все явственнее ощущались приметы движения страны по капиталистическому пути. В этих условиях значение науки для развития и хозяйственной, и культурной жизни объективно постоянно возрастало.

В то же время, и это несколько парадоксально, случилось так, что в послереформенные годы Академия наук продолжала утрачивать многие позиции, которые были завоеваны и удерживались ею в XVIII — первой половине XIX века. Академия, по существу, продолжала оставаться небольшим, замкнутым учреждением и уже не могла соответствовать уровню всех задач, поставленных временем. Ослабли ее прежние плодотворные связи с университетами и научными обществами, стала незначительной ее роль в экономической и культурной жизни России.

Наука, напротив, в послереформенные годы более высокими темпами начала развиваться в университетах, звание университетского профессора стало цениться общественностью почти наравне со званием академика, да и материальное положение университетской профессуры в эти годы оказалось выше, чем у членов Академии наук.

Вообще, вузовская наука представляла собой внушительный научный потенциал России. К началу XX века в российских университетах, духовных академиях, ветеринарных институтах было защищено около 8000 магистерских и докторских диссертаций по фундаментальным наукам (история, философия, юриспруденция, естествознание), богословию, медицине. Обладатели ученых степеней составляли костяк отечественной научной элиты⁸.

Видный отечественный ученый Н. И. Пирогов видел залог успеха реформирования Академии в тесной связи ее с университетской наукой. Он отмечал: «Мы живем в такое время, когда сильно чувствуется необходимость в сближении чисто научного и прикладного, научного и учебного. Слышатся нередко голоса, что наша Академия с ее чисто научным стремлением поставлена в какое-то исключительное положение в России. Мне кажется, что эта исключительность зависит именно от недостатка связи с учебной деятельностью наших научных университетов. А в этом-то отношении Академия и могла бы иметь огромное и самое благодетельное влияние на наше просвещение»⁹.

На наш взгляд, большой интерес представляет письмо, которое направил старейший академик, известный экономист и статистик В. П. Безобразов Константину Константиновичу буквально через несколько дней после вступления князя в должность президента. Владимир Павлович, прекрасно представляя себе положение дел, сложившееся в Академии, писал президенту о неотложных задачах «к оживлению и даже обновлению Академии, которая в настоящее время представляется учреждением вымирающим, далеко отставшим от великой идеи своего великого основателя и от своего прежнего высокого положения в государстве». Ученый без обиняков обозначил и главную проблему, стоявшую перед академической наукой: «Главный и неизбежный способ к разрешению этих задач заключается **в значительном усилении денежных средств** (выделено автором письма. — В. С.) Академии, вследствие крайнего недостатка которых она не может исполнять теперь своего призвания»¹⁰. Думается, что автор этого письма оказал существенное влияние на формирование позиции нового президента.

На первых порах Константину Константиновичу пришлось столкнуться с необходимостью решения вопроса об укреплении руководства Академии. Уже в сентябре 1889 года был вынужден оставить свой пост вице-президент В. Я. Буняковский, вместо него вице-президентом был избран академик Я. К. Грот, пользовавшийся большим уважением среди членов Академии. Был, не без труда, отправлен в марте 1890 года в отставку неприменный секретарь К. С. Веселовский, переживший уже трех президентов Академии: Д. Н. Блудова, Ф. П. Литке и Д. А. Толстого. Отставка его последовала после нескольких резких конфликтов с президентом. Любопытно,

что в своих дневниковых записях К. С. Веселовский горько сетовал на своих коллег, которые даже внешне не выразили никакого сожаления о его уходе. Непременным секретарем был избран академик А. А. Штраух.

Великому князю Константину Константиновичу не потребовалось много времени для того, чтобы понять суть основной причины того тяжелого положения, в котором оказалась Академия наук к концу 80-х годов XIX века. Этой причиной являлось крайне скудное финансирование академической науки государством. Соответственно довольно четко определилось и главное направление будущей деятельности президента — добиваться существенного улучшения финансирования этой деятельности.

Анализ состава документов ряда фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН со всей убедительностью свидетельствует о том, что на решение этого основного вопроса организации российской науки уходило много сил и энергии президента на протяжении всей его службы в Академии.

Взаимоотношения власти и науки в Российской империи имели свои, и весьма недобрые, вековые традиции. Во второй половине XIX века подобные тенденции продолжали развиваться и становились все более явственными и очевидными. Русское военно-феодальное государство, тратя огромные средства на проведение агрессивной внешней политики, содержание огромного аппарата власти и управления, не находило их на финансирование культуры, просвещения и науки.

Вспомним те прошения, которые направлял М. В. Ломоносов в Канцелярию Академии с унижительными просьбами выдать хотя бы часть причитающегося ему жалованья. Так, в августе 1743 года в очередном прошении он указывал: «И так почти за целый год я, низайший, жалованья от Академии не получал и от того пришел в крайнюю скудость»¹¹. Почти семь лет понадобилось Михаилу Васильевичу для того, чтобы добиться создания химической лаборатории. Первый свой рапорт об этом он подал академическому начальству в январе 1742 года, и лишь в октябре 1748 года последовал рапорт о том, что подрядчик Михайло Горбунов выполнил все работы по постройке химической лаборатории. Все эти годы решение вопроса откладывалось по одной причине — «по неимению денег в ученом учреждении» (т. е. в Академии наук). В то же время

правительству дороже стоимости упомянутой лаборатории обходилась организация любого из многих проводимых военных парадов или устройство любого праздничного фейерверка в столице.

В целом подобное положение сохранялось на протяжении всей истории царской России, финансирование просвещения и науки осуществлялось по остаточному принципу, и расходы на них всегда составляли не более нескольких процентов от общего государственного бюджета. Так, согласно «Общей государственной росписи доходов и расходов на 1893 год», вся расходная часть государственного бюджета составляла 1 040 458 385 руб., причем на нужды Министерства народного просвещения отпускалось всего 22 411 434 руб.¹², т. е. 2,15%. Важно отметить, что расходы на Военное министерство предусматривались в размере 263 544 030 руб. и отдельно предусматривались расходы на Морское министерство в размере 49 892 803 руб.¹³ Следовательно, военные расходы Российской империи в 14 раз превышали расходы на просвещение, культуру и науку. Бюджет же самой Академии наук в 1893 равнялся 239 400 руб., что составляло менее одной десятой процента от военного бюджета России.

В 1902 году государственные расходы на вооруженные силы составляли 420 миллионов 957 тыс. руб., а на народное образование, культуру и науку — 36 миллионов 624 тыс. руб., т. е. примерно в 12 раз меньше¹⁴.

Приведем еще один конкретный пример из самого последнего и самого благополучного (довоенного) периода развития России. По смете государственных расходов на 1914 год, на Министерство народного просвещения предполагалось выделить 161 629 822 руб., что составляло 5,1% от общего бюджета страны в 3 558 261 499 руб.¹⁵ Заметим, что данное соотношение размеров государственных расходов, при котором военные расходы были в 12–14 раз выше расходов на образование, культуру и науку, в Российской империи сложилось давно и к концу XIX века стало уже традиционным.

Еще в 1791 году академик И. Ф. Герман в своей работе «О доходах Российского государства», пожалуй, впервые в России предпринял попытку «исчислить» все государственные доходы и расходы. По его подсчетам, тогда вся расходная часть имперского бюджета равнялась примерно 35 млн руб., при этом 14 млн ушло «на содержание армии и флота» и 1 млн руб. — «на содержание школ, академий и пр.»¹⁶

Любопытно, что уже в 1791 году, по подсчетам академика И. Ф. Германа, второй по своим размерам статьей расходов, после военных, были средства «на содержание чиновников» — 6 млн руб.

Однако здесь сразу необходимо отметить одно важное обстоятельство. Само по себе соотношение размеров государственных расходов на военные нужды и на народное образование и науку не позволяет сделать объективных и окончательных выводов об общем характере политики, проводившейся царским правительством.

Ясно, что государственная власть справлялась с обеспечением расходной части бюджета с огромным напряжением. Причем, надо сказать о том, что и это напряжение, когда использовались все возможности податного населения и экономики, в полной мере не могли удовлетворить потребности военного ведомства, даже при указанном выше соотношении размеров расходов, направляемых на разные цели. Военное министерство и на эти деньги не могло обеспечить выполнение всех возлагавшихся на него задач и поддерживать на должном уровне боеспособность вооруженных сил, в соответствии с постоянно растущими требованиями времени.

В России веками складывалась несколько парадоксальная ситуация — шли одновременно и параллельно два процесса. С одной стороны, укреплялось могущество империи, увеличивались размеры ее территории, возрастал ее международный авторитет и т. д. С другой стороны — идет постоянный рост «непроизводительных расходов» на ведение войн, на содержание вооруженных сил, на растущий аппарат власти и управления и т. д. (Например, только одно увеличение территории государства требовало постоянно дополнительных затрат: по ее освоению, по управлению ею, по защите от внешних посягательств и др.)

«Первый» процесс по своим темпам шел быстрее, легче достигались и конкретные его результаты. «Второй» процесс шел гораздо медленнее. Темпы развития экономики и темпы роста возможностей налогоплательщиков (то есть повышения уровня жизни россиян) не успевали обеспечивать материально растущие расходы государства. Ко всему этому надо еще добавить весьма ощутимые имперские амбиции большей части правящей российской элиты.

1

9 марта 1890.

2

 Императорскому
 Высочайшему Водородному
 сообществу Дель у меня
 И. А. Вышнеградский
 и сообщивъ мне, что
 сумму необходимо для на-
 печатания 3-го тома писемъ
 Петра Великого можно су-
 деть получить безъ вся-
 кихъ затруднений, но не
 ранее января 1891 года.

Письмо великого князя Константина Константиновича
 академику А. Ф. Бычкову о получении финансирования
 на издание писем императора Петра Великого.
 Март 1890 года. Автограф

В общем, с каждым десятилетием «штанга империи» стано-
 вилась все тяжелее, и все труднее было ее «удерживать на весу». На-
 наиболее передовые и дальновидные представители правящей

элиты, в целом, понимали складывающуюся историческую ситуацию и пытались принимать меры, ей адекватные.

Постараемся подтвердить это положение соответствующим фактическим материалом.

Так, великий князь Константин Николаевич в своем письме от 24 июня 1857 года к царскому наместнику на Кавказе, князю А. И. Барятинскому писал о самой насущной необходимости сокращать расходы на управление этим сложным регионом. Он говорил по этому поводу следующее: «Мы не можем далее себя обманывать и должны сказать, что мы и слабее, и беднее первостепенных держав, и притом беднее не только материальными способами, но и силами умственными...»¹⁷ Далее брат императора говорил и о конкретных мерах в этом плане: «Посему не о завоеваниях на Кавказе и в сопредельных странах следует думать и не о содержании на Кавказе многочисленной армии, на которую мы решительно не имеем денежных средств, но о том, чтобы усовершенствованием внутреннего управления вводить на Кавказе порядок и довольство, не издерживая на то больших сумм... На это нужна не армия, не громкие экспедиции в горы, не пышный двор падишаха, но выбор дельных людей и скромный образ действия».

Расскажем еще об одном документе, который тесным образом связан с содержанием упомянутого выше письма. В конце 1859 года великим князем Константином Николаевичем была получена записка «О положении финансов в России», подготовленная статс-секретарем М. Х. Рейтергом (этот чиновник в 1862–1878 годах занимал пост министра финансов России). В этой записке, в частности, говорилось следующее: «Состояние наших финансов не только весьма дурно, но едва ли не беспримерно по сложности причин... Мы имеем давно и постоянно дефицит... Подать с вина не только самая значительная, но до сих пор почти единственная возрастающая отрасль дохода»¹⁸.

Шли десятилетия, но власти не удавалось кардинально изменить сложную ситуацию в экономике страны. В июле 1886 года начальником Главного штаба Военного министерства генералом Н. Н. Обручевым была направлена императору Александру III записка «Основные исторические вопросы России и наша готовность к их решению». Непосредственным поводом подачи записки стал очередной военно-политический кризис, возникший на Балканах. Опытный

военачальник, Н. Н. Обручев в течение 16 лет возглавлял Главный штаб, писал о необходимости России избежать в очередной раз быть втянутой в войну из-за своего радения за интересы братьев-славян. Генерал в своей записке писал о том нелегком положении, в котором оказалась Россия к концу XIX века: «На беду, одновременно с войнами в Европе все расширялись и азиатские владения России, обращая ее политическое тело в громадную комету, с неокрепшим еще европейским ядром и страшным азиатским хвостом, раскинувшимся от Тифлиса до Владивостока. К истощению от внешних войн присоединилось постоянное истощение на питание отдельных окраин. Стало не хватать сил все того же народа, стало не хватать людей для управления, стала ощущаться повсеместная слабость как материальная, так и духовная. Государственные потребности возросли до чрезвычайных размеров, средства же для их удовлетворения оказывались сравнительно скудные»¹⁹. Выводы, сделанные этим политиком в своей записке, были далеки от оптимизма: «Сколько славных побед, сколько завоеваний. А в результате: истощение и полная еще необеспеченность собственной государственной целостности и безопасности». На тексте этой записки император Александр III, как тогда говорили, «начертал» одно слово — «Согласен».

Интересные факты по затронутой нами проблеме можно найти в биографии великого русского ученого Д. И. Менделеева, который достаточно много внимания уделял разработке научных вопросов, связанных с задачами военного ведомства.

Так, летом 1878 года Д. И. Менделеев обратился в Морское министерство с просьбой оплатить расходы в размере 1 тыс. руб. по его заграничной командировке с целью исследования воздухоплавания. Изысканием упомянутой суммы занимались сразу три заинтересованных министерства Морское, Военное и Народного просвещения. Однако этот вопрос так и не удалось решить положительно, так как «не имелось решительно никаких средств, на счет коих можно было бы отнести эти расходы»²⁰.

Руководители этих министерств обратились за помощью к министру финансов, но тот, в свою очередь, уведомил, что «при настоящем положении Государственного казначейства он не находит возможным принять этот расход на счет казны».

В июле 1890 года Д. И. Менделеев обратился к морскому министру по другому вопросу, с просьбой о выделении денег на техничес-

кое оснащение лаборатории по изучению свойства бездымного пороха. Ученый представил и соответствующую смету расходов на нескольких листах. Управляющий Морским министерством Н. М. Чихачев разрешил выделить только часть денег, «не свыше 18 500 руб. для закупки за границей лабораторного оборудования», в части же необходимых ассигнований было отказано со следующей формулировкой: «И только если будет остаток от этой суммы, то его и потребить на аппараты, потребные для исследования взрывчатых смесей»²¹. Как и следовало ожидать, никакого остатка после закупки заграничного оборудования не образовалось.

История эта имела свое продолжение. В июне 1892 года Д. И. Менделеев вновь направил управляющему Морским министерством Н. М. Чихачеву письмо, в котором доложил об успешном испытании одного из сортов бездымного пороха и, в связи с этим, просил выделить деньги на «устройство завода бездымного пороха или мастерских»²².

Вопрос этот по установленному порядку был доложен министру Главным управлением кораблестроения и снабжения. Результаты данного доклада были зафиксированы на обороте самого письма Д. И. Менделеева адмиралом С. О. Макаровым, занимавшим тогда пост Главного инспектора морской артиллерии. Он пометил следующее: «Так как Главное управление кораблестроения при докладе не могло указать источник финансирования, управляющий министерством не приказал приступить к постройке».

Другая судьба ожидала это научное открытие Д. И. Менделеева за границей. Так, в одном из своих рапортов, направленных в Главный Морской штаб в сентябре 1899 года, русский морской агент в США генерал-майор Д. Мертваго, в частности, докладывал следующее: «В настоящее время Северо-Американский флот имеет полные запасы бездымного пороха. Выработка рецепта этого пороха производилась на основании напечатанных исследований вопроса профессором Менделеевым»²³ (здесь речь шла о публикациях в открытой печати. — В. С.).

ИЗВЕЩЕНИЕ		ПРИКАЗ		ПРОТОКОЛ	
на станции	№	№	№	№	№
Передан		Принят		№	№
Разряд:	Счетная часть	Повод:	Служебная		
п.	п.	со	№ 4, 200		
с.	п.	ч.	via		
ш.	п.	м.			
<p>Министру финансов. Великий князь Мн за ^{дел} содержательство Физиологической лаборатории Академии наук уведомил великого князя Физиологической лаборатории Академии наук. Академии наук в статье № 13 декабря 1900 г. № 1768, что не вероятно до предположения из этого исключительно, если такие исследования перевести дел другой учреждения Академии. В такой тогда что не узнал Физиологической лаборатории, но и несколько других подведомственных Академии</p>					

Черновик письма великого князя Константина Константиновича министру финансов С. Ю. Витте об увеличении финансирования деятельности Физиологической лаборатории Академии наук. Апрель 1900 года. Автограф

Прошло два десятилетия. Накануне I-й мировой войны, в феврале 1913 года во Всеподданнейшем докладе генерала-инспектора артиллерии, великого князя Сергея Михайловича, в частности, говорилось о том, что «потребность в бездымном порохе сильно возросла за последние годы, а заводы все-таки оказались не в силах удовлетворить эту возросшую потребность»²⁴.

Заплатить за бедность российской казны все же вскоре пришлось, когда уже в первые месяцы войны выяснилась катастрофическая нехватка и пороха, и других взрывчатых веществ. Заплатили, как неоднократно бывало в истории государства российского, жизнями своих солдат и офицеров.

Самым ответственным и бескомпромиссным экзаменом для вооруженных сил любой страны являются войны или крупные

конфликты. В нашем случае имеет смысл вкратце упомянуть только о двух войнах: русско-японской и I-й мировой.

О поражениях русской армии в русско-японской войне написаны уже сотни исторических исследований. Уровень боеспособности и технической оснащенности русских войск были убедительно продемонстрированы всему миру в Порт-Артуре, под Мукденом, в Цусимском сражении, на Сахалине и т. д.

Начало I-й мировой войны не было неожиданностью для правительства России. Эту войну ожидали, к ней долго и тщательно готовились, но, конечно, в меру имеющихся возможностей экономики, финансов, наличия государственных умов в рядах тех, кому историей было доверено управлять огромной империей, и т. д.

Уже в первые месяцы войны со всей очевидностью выяснилось, что для удовлетворения потребностей фронта в порохе и взрывчатых веществах в стране не имелось в достаточном количестве ни азотной, ни серной кислоты, ни бензола, ни толуола, ни многого другого; а нормы мобилизационных запасов были катастрофически занижены. Так, по данным Главного артиллерийского управления, к началу войны мобилизационный запас взрывчатых веществ составлял всего 25 820 пудов, а за шесть первых месяцев войны их было израсходовано уже 350 000 пудов²⁵.

Для того чтобы выйти из этого катастрофического положения, пришлось, как это неоднократно бывало в истории России, принимать самые авральные меры. Кроме того, уже в начале войны правительству пришлось заказать за рубежом 2 749 870 пудов взрывчатых веществ²⁶ (естественно, за них пришлось платить). И подобная ситуация сложилась в стране, располагавшей огромными природными ресурсами.

Возьмем для примера другой аспект — техническую оснащенность вооруженных сил. К началу войны Россия не могла производить для своего флота ни паровых турбин, ни дизельных двигателей, ни гребных электродвигателей и пр. Наиболее современные корабли нашего флота были построены в предвоенные годы при самом активном участии германских судостроительных фирм. Это были 20 минных крейсеров, эскадронные миноносцы типа «Новик» и др.²⁷

Подобное же положение было в строительстве самолетов, танкостроении, в создании средств связи и т. д.

Приведенный выше фактический материал свидетельствует о том, что сравнительный анализ государственных расходов России, фиксация соотношения размеров ассигнований, направленных на военные нужды и на нужды культуры и просвещения, только частично отражает всю суть и сложность проблем развития российской экономики в целом и состояния финансов в частности.

Действительно, по незабываемой «шкале ценностей», существовавшей в военно-феодальной монархии, всегда главный приоритет отдавался вооруженным силам, так как они в первую очередь обеспечивали и стабильность, и могущество самой империи, удовлетворяли и имперские амбиции. Но и при таком структурировании государственных расходов денег на вооруженные силы, так же как на культуру и просвещение, не хватало, причем, порой не хватало катастрофически. Следовательно, можно предположить, что вообще Российская империя являлась «сама для себя» и, прежде всего, для своего населения «непосильным грузом». Исторически все ее развитие — и могущество, и расцвет, и присоединение огромных территорий, неуклонно вели к закономерному исходу — революции 1917 года.

Возвратимся в рассматриваемое нами пореформенное время. После неоднократных докладов министра народного просвещения о тяжелом финансовом положении Академии наук, император Александр II в декабре 1863 года повелел разработать конкретные меры, пересмотреть Устав и штаты Академии «с целью усиления ученой ее деятельности». Увы, эти высокие предназначения не были осуществлены, и, еще в течение 30 лет «постоянно клонясь к экономическому упадку, Академия была приведена в стесненное положение»²⁸. Это мы привели выдержку из очередной «Записки», направленной в Государственный Совет министром народного просвещения уже в марте 1893 года. Отдадим должное вызванной субординацией деликатности министра И. Д. Делянова, употребившего выражение «стесненное положение». Причем все эти годы президенты Академии графы Д. Н. Блудов, Ф. П. Литке, Д. А. Толстой пытались вернуться к решению этой проблемы, но ходатайствам их «не было дано дальнейшего движения». В результате всего этого Академия к концу 1880-х годов, «не располагая никакими средствами, лишена была возможности брать на себя почин в каких-либо обширных научных предприятиях и достойным образом расширять свои музеи и библиотеки»²⁹.

Постараемся конкретизировать это сложное положение. Дело в том, что к началу 1890-х годов Академия продолжала получать ежегодные мизерные бюджетные ассигнования, предусмотренные еще Уставом 1836 года, они составляли 239 400 руб.³⁰ Правда, была еще одна возможность получения денег на научную работу: для этого надо было всякий раз, когда возникала острая необходимость, направлять аргументированное ходатайство в Министерство народного просвещения. Так, в 1894 году Академией было направлено всего пять ходатайств, из них четыре были удовлетворены, а по одному было отказано³¹. Например, было ассигновано 6 тыс. руб. «на ремонт и реорганизацию физического кабинета» или было отпущено 600 руб. «по командировке академика Радлова за границу», а вот «в отпуске» 3 тыс. руб. на развитие теоретической астрономии было отказано. В 1895 году Академия трижды обращалась с подобными ходатайствами в правительственные органы³², два раза был достигнут положительный результат, но 2 тыс. руб. «на приобретение некоторых специальных приборов, нужных для экспедиции на Новую Землю», не дали.

На наш взгляд, подобные факты убедительно показывают глубокую традиционность и незыблемость той «шкалы ценностей», которая существовала в военно-феодальной монархии, когда почиталось за благо тратить ежегодно на армию более 313 млн руб. и пытаться сэкономить 2–3 тыс. руб. в год на финансировании научных исследований.

К началу президентства Константина Константиновича сложное положение, в котором оказалась академическая наука, усугублялось еще целым рядом факторов, порожденных консервативной и реакционной внутренней политикой, проводимой правительством Александра III.

После обновления руководства Академии встал вопрос о пересмотре ее Устава, утвержденного императором Николаем I еще в 1836 году. В начале 1890 года была создана специальная комиссия под председательством президента по пересмотру тех параграфов академического Устава, которые уже не отвечали требованиям времени. Были собраны предложения всех академиков по изменению Устава, однако, когда комиссия изучила эти предложения, то с немалым удивлением констатировала, что они в основном и прежде всего относились к необходимым изменениям в области

материального, финансового положения науки. Ученые считали необходимым увеличение числа кафедр в Академии (т. е. числа штатных должностей экстраординарных и ординарных академиком), организацию новых научных лабораторий и станций, создание материальных стимулов для привлечения в науку молодых, способных работников и т. д. Получилось так, что конкретных положений по усовершенствованию самого Устава и не поступило. По всей вероятности, ученые мужи, хорошо понимая отвлеченность сухих статей Устава, сосредоточили свое внимание на вещах конкретных и жизненных. В данном случае их тяжелое академическое «бытие» определило их осознанную позицию.

Таким образом, поднятая президентом проблема и конкретизировалась, и одновременно усложнилась. Отличительной чертой Константина Константиновича являлось то, что, несмотря на свое самое высокое общественное положение, он не считал для себя унизительным и неприемлемым обращаться за советами и помощью к более опытным, старшим по возрасту своим друзьям. Многие годы таким помощником его являлся генерал Павел Егорович Кеппен, который занимал должность управляющего двором отца президента, великого князя Константина Николаевича, а позднее управлял двором его матери, великой княгини Александры Иосифовны и был, видимо, человеком опытным и умудренным долгими годами службы.

И на сей раз Константин Константинович обратился за советом к П. Е. Кеппену; в своем письме от 12 марта 1890 года он поведал о том, что все попытки комиссии под его председательством пересмотреть Устав оказались безрезультатными: «Но только что мы принимались обдумывать какую бы ни было статью, как наталкивались на необходимость преобразования штата»³³. Суть дела заключалась в том, что, по существовавшим тогда условиям государственной службы, улучшить финансовое положение служащих по любому ведомству можно было, только внося соответствующие изменения в штатное расписание (мы уже упоминали, что все сотрудники Академии являлись служащими по ведомству Министерства народного просвещения). Иными словами, президент и комиссия столкнулись с тем фактом, что по существу любые рациональные изменения в организации академической науки объективно были связаны с увеличением бюджетных ассигнований на нее в той или иной форме.

Ваше Императорское Высочество,

Первоначальное предложение о покупке у наследников г-на Толстого усадьбы Ясная Поляна было основано на указании г-на Министра о том, что ее реальная стоимость, по отчетам Крестьянского Банка в 1908 г., в случае ее продажи на открытом аукционе, достигла бы 200 тысяч рублей. Однако ввиду того, что в настоящее время ее стоимость, по оценкам специалистов, достигла 300 тысяч рублей.

В связи с этим предложено было о покупке у наследников г-на Толстого усадьбы Ясная Поляна. Ввиду того, что в настоящее время ее стоимость, по оценкам специалистов, достигла 300 тысяч рублей.

Письмо председателя Совета министров П. А. Столыпина
великому князю Константину Константиновичу о финансировании,
выделенном на покупку у наследников Л. Н. Толстого усадьбы Ясная Поляна.
Апрель. 1911 год. Автограф

После нескольких весьма оживленных заседаний комиссии, консультаций со специалистами было принято следующее решение.

1. Сохранить действующий Устав 1836 года, так как в нем «достаточно четко определены права и обязанности первенствующего ученого сословия Российской империи».

2. Подготовить конкретную и убедительную записку о самых насущных нуждах Академии, подать ее министру народного просвещения И. Д. Делянову и просить его «дать этой записке законный ход». Составить проект этого важного документа было поручено академику В. В. Радлову.

В условиях царской России «законный ход» не был легким и быстрым. Назовем только самые главные инстанции, с которыми необходимо было согласовать подобные вопросы: Министерство народного просвещения, Министерство финансов, Государственный контроль, Государственный Совет; окончательное утверждение являлось прерогативой императора.

«Записка», составленная В. В. Радловым, показалась комиссии «слишком пространною и не довольно убедительною». За переделку ее Константин Константинович взялся сам и завершил эту работу во время своего очередного флигель-адъютантского дежурства в Аничковом дворце, где находилась тогда главная императорская квартира.

Затем последовали долгие месяцы настойчивой и кропотливой работы руководителей Академии по «выбиванию» денег. Пошла череда записок, писем, проектов, направляемых в вышестоящие инстанции. Внимательное изучение всех этих документов в конечном результате не дает исследователю полного и однозначного ответа на вопрос: каковы же были главные причины столь медленного течения дел?

Прежде всего, в документах довольно часто встречаются, правда, в деликатной форме, ссылки на бедность государственного бюджета. Они излагались примерно в следующих выражениях: «затруднительное финансовое положение настоящей минуты», «известное состояние Государственной казны», «слабое поступление государственных доходов», «недопущение дефицита в государственном бюджете» и т. д. Не был случайным тот факт, что Александр III в марте 1890 года, выслушав всеподданнейший доклад министра И. Д. Делянова о необходимости увеличения ассигнований Императорской Академии наук и выразив на то свое принципиальное согласие, при этом строго указал, «чтобы при составлении сих предположений имелась в виду надлежащая умеренность в предъявляемых требованиях»³⁴.

Другой причиной медленного хода дел являлась существующая и доведенная до абсолюта иерархия бюрократических норм. Порой у автора этих строк складывалось впечатление, что президент Императорской Академии наук вынужден двигаться как бы по замкнутому кругу. Вот для примера характерный бюрократический оборот из ответного письма министра финансов президенту от 9 января 1891 года: «... я не встретил бы препятствия

к испрошению Министром народного просвещения Высочайшего разрешения путем Всеподданнейшего доклада, если на это последовало бы согласие также со стороны Государственного контроля»³⁵. А вот другой образец действий опытного сановного бюрократа. Директор Департамента народного просвещения Н. И. Аничков в своем письме от 11 ноября 1890 года следующим образом ответил на четыре вопроса, с которыми к нему обратился президент Академии (передаем смысл ответов очень близко к тексту)³⁶.

1. Проект отношения к г-ну Министру народного просвещения об ассигновании 3 500 руб. на содержание нового библиотечного здания Академии наук требует изменений.

2. Что касается составления авансовой подробной сметы по хозяйственным предметам Академии, то буду иметь разговор с г-ном Ланге.

3. Относительно увеличения расходов на содержание типографии в настоящее время ничего определенного объяснить Вашему Высочеству не могу.

4. По поводу отпуска 40 тыс. руб. на физическую обсерваторию в Одессе считаю долгом доложить, что никакой «главной» обсерватории на юге России не устраивается.

И все это подписано: «Вашего Императорского Высочества всепреданнейший слуга Н. Аничков». Вот так, и пожалуйста, ваше императорское высочество, на новый круг этой «увлекательной» переписки.

Для того чтобы правильно ориентироваться в этой сложной иерархии бюрократических норм и правил, необходим был большой опыт. Именно такой опыт и позволял не давать лишнего круга гонки по инстанциям. Дело в том, что порой искусственно усложненные бюрократические отношения все-таки зиждились на жестких правовых основах феодальной монархии. Другими словами, если что-то входило в противоречие с данными правовыми основами, то и сам император был бессилён.

Думается, была еще одна веская причина нелегкого продвижения академических дел. Шли последние годы царствования Александра III. Известно, что император был строг и требователен к окружавшему его аппарату высших органов власти и управления. Но, видимо, чиновники, особенно высших рангов, уже успели утратить страхи и волнения первых лет царствования и смогли «притереться»,

хорошо изучив привычки и особенности характера царя. Все это отрицательно сказывалось на исполнительской дисциплине и ритме деятельности центрального аппарата власти. Несомненно, пагубную роль играло ставшее в последние годы царствования очевидным пристрастие монарха к горячительным напиткам.

Мы уверены в том, что именно самое высокое общественное положение президента, его растущий авторитет в императорской фамилии были тогда одними из главных условий того, что решение давно назревших проблем развития академической науки удалось сдвинуть с мертвой точки, и началось постепенное улучшение положения дел в Академии наук. Так, в октябре 1892 года Министерством финансов были увеличены на 8 тыс. руб. кредиты Главной физической обсерватории.

В это же время шла подготовка документов для рассмотрения в Государственном Совете вопроса о значительном увеличении общих бюджетных ассигнований для Академии наук. В наиболее концентрированном виде все доводы и обоснования для удовлетворения первостепенных нужд Академии были изложены Константином Константиновичем в специальной записке, направленной в начале декабря 1892 года министру народного просвещения. Президент резонно обосновывал значимость Академии наук для России: «...нельзя не признать за аксиому, что степень процветания Академии должна служить нормой того умственного уровня, на котором стоит государство»³⁷. На разрешение самых наболевших проблем президентом «испрашивалась» ежегодная добавочная сумма в размере 69 217 руб. 75 коп., «исчисленная с крайней осмотрительностью» (напомним, что ежегодная смета Академии составляла 239 400 руб.).

В самом конце 1892 года Академией было, наконец, получено еще одно важное согласование этого вопроса. Государственный контролер Третий Иванович Филиппов сообщил президенту о «безусловном согласии Государственного контроля на отпуск из Государственного казначейства тех средств, которые Вам, угодно будет признать достаточными для предполагаемой цели»³⁸.

Наконец, 8 апреля 1893 года состоялось заседание соединенных департаментов экономики и законов Государственного Совета, где рассматривался вопрос о новых штатах Академии и об увеличении ассигнований на нее. Константин Константинович принимал

участие в этом заседании, но доклад делал, по существующему положению, министр просвещения И. Д. Делянов. В результате довольно оживленного обсуждения было решено новые штаты утвердить, тем самым ежегодный бюджет Академии был увеличен на 53 363 руб. (в последний момент законодатели все-таки сумели «скостить» некоторую часть денег и дали на 16 тыс. руб. меньше просимой суммы). Это была победа, и первая крупная во второй половине XIX века победа Академии на финансовом «фронте»³⁹.

Утверждено было новое штатное расписание Александром III в июне 1893 года. В соответствии с ним, с 1 января 1894 года предусматривались следующие ежегодные жалованья ученым: ординарному академику — 4 200 руб. (в том числе жалованье — 2 400, квартирные — 600, за звание — 1 200); экстраординарному академику — 3 000 руб. (в том числе жалованье — 1 500, квартирные — 500, за звание — 1 000).

Содержание президента предполагалось «по особому высочайшему назначению», а вице-президент и непрременный секретарь получали ежегодное жалованье по 1 500 и 1 200 руб. соответственно (надо иметь в виду, что эти должности замещались только академиками и, следовательно, это являлось доплатой к получаемому ими академическому жалованью).

Сбылось еще одно давнишнее чаяние академических ученых. В отношении пенсий и единовременных пособий их уравнивали в правах с профессорами университетов⁴⁰. Было существенно улучшено материальное положение и других научных и научно-технических сотрудников Академии.

Утвержденное в 1893 году штатное расписание просуществовало почти 20 лет. Несколько опережая ход нашего повествования, отметим, что с 1 июля 1912 года вступало в действие новое штатное расписание, утвержденное Николаем II. Этому событию также предшествовала нелегкая и длительная деятельность руководителей Академии по подготовке, согласованию, «проталкиванию» столь необходимого увеличения бюджетных ассигнований для науки и ее работников. После долгих усилий проект закона об этом был, наконец, 22 июня 1912 года вынесен на заседание Государственного Совета и утвержден.

Согласно новому закону, ежегодные ассигнования Академии были увеличены до 1 007 000 руб., было увеличено число штатных единиц работников среднего звена, и общий штат стал составлять 153 человека.

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУКЪ

имѣть честь покорнѣйше проситъ Васъ почтить своимъ присутствіемъ собраніе Конференціи Академіи, посвященное памяти въ Бозѣ Почившаго АВГУСТѢЙШАГО Президента ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА.

Въ собраніи семъ прочтуть рѣчи:

1. Непремѣнный Секретарь академикъ С. Ѳ. Ольденбургъ: „Президентъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИНЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ“.
2. Почетный академикъ А. Ѳ. Кони: „Почетный академикъ „К. Р.““.

Собраніе будетъ происходить 2 декабря въ Маломъ Конференцѣй-Залѣ Академіи и начнется въ 3 часа пополудни.

Входъ съ набережной Невы, главный подѣздъ.

Форма одежды: вишь-мушляръ или фракъ.

*Приглашение на заседание Общего собрания Академии наук,
посвященного памяти президента,
великого князя Константина Константиновича.
Декабрь 1915 года. Типографский оттиск*

Характерной чертой нового штата, введенного в действие в июле 1912 года, было то, что в основном и прежде всего прибавку к жалованью получили академические сотрудники среднего и низшего звена: ассистенты, хранители фондов, лаборанты и т. д. Зарплата всех руководителей Академии, равно как и зарплата академиков, осталась на уровне 1894 года⁴¹ Это можно объяснить только высокой гражданской и этической позицией тогдашних организаторов академической науки и ведущих ученых, интересы самой науки для которых были превыше всего. Изучение архивных документов показывает, что президенту великому князю Константину Константиновичу в развитии подобных демократических принципов в Академии наук принадлежала явно не последняя роль. Так, в сентябре 1912 года, когда в очередной раз встал

вопрос о награждениях ее сотрудников, он письменно сообщил вице-президенту П. В. Никитину свое мнение о том, что в этом деле следует также соблюдать принцип демократизма и социальной справедливости:

«Мне кажется, что независимо от ученых заслуг, в сравнении с академиками, лаборант Давыдов, служащий 11 лет, или младший зоолог Мордвилко, состоящий на службе 19 лет, оба не получавшие никакой награды, заслуживают таковой больше, чем, например, академик Белопольский, награжденный не далее как 3 года тому назад и могущий быть представленным к чину через год»⁴².

Можно только сожалеть, что этот академический принцип, зародившийся и упрочившийся в Академии в период президентства Константина Константиновича, не стал доброй академической традицией и получил полное забвение в нашей Академии с 1930-х годов.

Наряду с решением проблем улучшения общего финансирования деятельности Академии, ее руководству приходилось настойчиво добиваться финансирования отдельных научных проектов, реализация которых была необходима отечественной науке! Ниже мы попытаемся коротко рассказать о некоторых из них, наиболее значительных.

Каждый шаг в направлении улучшения финансирования академической науки давался руководству Академии нелегко, поэтому часто приходилось заниматься разрешением тех вопросов, отложить которые на будущее было уже невозможно. К концу 1890-х годов в тяжелом положении оказалась академическая типография, одна из старейших в России. Типография являлась единственной в стране по своим техническим параметрам, т. е. по возможности печатания научных трудов. В частности, уникальными были ее возможности выполнения работ на иностранных языках. В активе типографии было 309 видов различных шрифтов, а общий вес матриц составлял 6 436 пудов⁴³. Специальная комиссия, состав которой был утвержден президентом Академии, обследовала состояние дел в типографии и пришла к выводу о том, что для ее переоборудования потребуется сумма до 400 тыс. руб. Особую тревогу вызывала силовая установка — паровая машина, пущенная в 1859 году. После предварительной проработки вопроса в Министерстве финансов, стало ясно, что о полной модернизации типографии речь идти не может, «ввиду затруднительного финансового положения

настоящей минуты». Поэтому в мае 1898 года руководство Академии обратилось к министру финансов С. Ю. Витте с просьбой «прийти на помощь Академии небольшой суммой для замены изношенной машины газомотором»⁴⁴. Искомые 5 тыс. руб. для покупки и монтажа газомотора были Академии выделены.

В те годы Академией был организован и проведен ряд научных экспедиций, имевших огромное научное и практическое значение, большой международный резонанс.

Прежде всего, следует вспомнить Шпицбергенскую экспедицию по градусному измерению, на проведение которой Академии удалось получить ассигнования в размере 210 тыс. руб. В мае 1899 года суда «Бакан» и «Ледокол-2» отправились в экспедицию к острову Шпицберген. Шестнадцать долгих месяцев продолжалась экспедиция, успех которой во многом определили «выносливость и отвага моряков». В начале октября 1900 г. экспедиция после успешного завершения вернулась в Петербург.

Современники считали экспедицию на Шпицберген «важнейшим ученым предприятием, ознаменовавшим академическую жизнь за 1899 год», и «едва ли не самой крупной в XIX столетии экспедицией» подобного характера⁴⁵.

180 тыс. руб. были получены от правительства Академией наук на проведение Русской полярной экспедиции. Возглавил ее талантливый исследователь Арктики Эдуард Васильевич Толль. В апреле 1900 года экспедиция отправилась к Новосибирским островам на парусно-моторной шхуне «Заря», экипаж ее был почти целиком укомплектован военными моряками. Старшим офицером был Федор Андреевич Матисен, в его послужном списке имеется и такая запись: «С 16 апреля 1900 г. по 21 января 1901 г. — на яхте Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Константиновича „Заря“ под флагом Невского яхт-клуба в Русской полярной экспедиции за границей и в Северном Ледовитом океане старшим офицером»⁴⁶. По предложению Э. В. Толля, в число участников экспедиции был включен и молодой лейтенант флота А. В. Колчак. К этому времени он проходил службу на броненосце «Петропавловск». Последовало ходатайство Академии наук об отзыве А. В. Колчака с броненосца, но корабль к этому времени ушел в длительное плавание, направляясь на Дальний Восток. Телеграмма Главного морского штаба застигла «Петропавловск», когда он делал очередную стоянку

в греческой гавани Пирей, и Александр Васильевич успел буквально накануне отплытия корабля сойти на берег. Хорошо известна участь «Петропавловска» — он погиб 31 марта 1904 года, подорвавшись на минах, и спастись удалось всего нескольким членам экипажа. Что ж, судьба играет человеком...

Во время плавания «Зари», и особенно во время зимовок шхуны у северо-западного берега полуострова Таймыр и у западного берега острова Котельный, был выполнен комплекс очень важных для науки гидрографических, физико-географических и геологических исследований. В ноябре 1902 года, при переходе по неокрепшему морскому льду с острова Беннета на материк, сам Э. В. Толль и трое его спутников погибли, до конца выполнив свой долг.

В этой связи нельзя не вспомнить малоизвестный факт, что руководством экспедиции были предприняты самые энергичные меры по спасению Э. В. Толля и его спутников. Спасательную экспедицию в 1903 году возглавил лейтенант А. В. Колчак. Она отправилась на поиски на вельботе к острову Беннета, при этом лично А. В. Колчаком были проявлены большое мужество и энергия, отмеченные современниками.

Эта история имела свое продолжение. В 1913 году во время знаменитой экспедиции транспортов «Таймыр» и «Вайгач» в Северном Ледовитом океане были открыты и частично обследованы три острова. 6 января 1914 года Морской министр И. К. Григорович во время своего всеподданнейшего доклада проинформировал императора Николая II об этих новых открытиях и одновременно с этим «испросил соизволения на наименование вновь открытых островов». Первого из них именем самого императора, второго — «Островом царевича Алексея» и третьего из них в память героического похода лейтенанта А. В. Колчака — «Островом Колчака»⁴⁷.

На полях доклада самим И. К. Григоровичем была сделана следующая запись: «Его Императорскому Величеству угодно было повелеть» третий остров назвать «Островом Вилькицкого», в память покойного генерала А. И. Вилькицкого, бывшего начальника Главного Гидрографического управления флота. С двумя первыми наименованиями император согласился. (В советское время этот архипелаг получил новое название — «Северная земля».)

Академия получила возможность более успешного развития отечественной науки за счет богатого материала, добываемого

в научных экспедициях. По нашим подсчетам, только за 1890-е годы было проведено 12 значительных академических экспедиций.

Изучение архивных документов, связанных с финансированием Академии, позволило нам уловить одну существенную тенденцию в этом деле, тенденцию, явственно проявившуюся к концу XIX века, и живую ныне: правительственные органы считали, что в первую очередь и главным образом финансировать следует научные проекты, имеющие конкретную практическую значимость.

В октябре 1892 года С. Ю. Витте, сообщая Академии о выделении 8 тыс. руб. для Главной физической обсерватории, не преминул указать на то, чтобы «новое ассигнование было преимущественно направлено на увеличение числа наблюдательных станций, а не на издание наблюдений, так как первое наиболее соответствует практически потребностям страны»⁴⁸. Сергей Юльевич — человек высокообразованный и во многих отношениях одаренный, но мог ли министр финансов полностью подменять организаторов научных исследований? А может быть, без издания наблюдений, т. е. без надлежащей научно-информационной работы, и сама деятельность станции была бы недостаточно эффективна.

Другой пример. Мы уже упоминали, что на экспедицию барона Э. В. Толля была выделена значительная по тем временам сумма — 180 тыс. руб. И это было абсолютно правильным решением вопроса. Но что же подвигнуло правительство изыскать эту сумму? На наш взгляд, немаловажную роль сыграл тот факт, что в своих неоднократных записках, направленных в различные правительственные органы, руководство Академии делало акцент на высокую практическую значимость этой экспедиции. Так, в одном из писем, направленных министру финансов в апреле 1899 года, указывалось, что результаты исследований будут иметь важное значение «для развития там мореплавания и промыслов», а с другой стороны, что «с занятием Арктических островов иностранцы могут обеспечить за собой их промысловые богатства, в ущерб нашей промышленности»⁴⁹. Вот это, пожалуй, был главный козырь в руках ученых.

В то же время больших усилий Академии стоило выбить только 5 тыс. руб. на установку газомотора в академической типографии. В данном случае, по логике правительства, издание трудов отечественных ученых не являлось делом первостепенной важности и могло подождать. На организацию Русского археологического

института в Константинополе, если взять за начальный момент открытие финансирования, ушло, по нашим подсчетам, семь лет, а его ежегодное содержание составляло всего 12 тыс. руб. Действительно, из успехов отечественного византиноведения сапог для армии не сошьешь... Подобные примеры можно было бы продолжить.

Таким образом, до окончания мирного «периода развития России, т. е. до самого начала Первой мировой войны, не прекращалась деятельность руководства Академии по решению основного вопроса организации науки — улучшения ее финансирования.

Примечания

1. Уставы Российской Академии наук. 1724–2009. М., 2009. С. 82.
2. Там же. С. 113.
3. *Соболева Е. В.* Организация науки в пореформенной России. Л., 1983. С. 78–79.
4. Там же. С. 86–87.
5. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее ПФАРАН). Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
6. От редакции // Новое время. 1889. 7 мая. № 4. 736.
7. ПФАРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Л. 12–12 об.
8. *Иванов А. Е.* Ученые степени в Российской империи. XVIII в. — 1917. М., 1994. С. 185.
9. Цит. по: *Соболева Е. В.* Петербургские ученые — организаторы науки // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. Ч. 2. Кн. 2. СПб., 1994. С. 78.
10. ПФАРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–4.
11. Цит. по: *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 2. СПб., 1873. С. 340.
12. Российский Государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 733. Оп. 215. Д. 9. Л. 295–303 об.
13. Там же.
14. Русский календарь на 1903 год. СПб.: Изд. А. Суворина, 1903. С. 164–165.
15. *Королев А.* Наши просвещенческие дела // Октябрь мысли. 1924. № 3–4. С. 24.
16. Цит. по: *Птуха М. В.* Очерки по истории статистики в СССР. Т. 1. М.: Изд. АН СССР, 1955. С. 244.
17. *Головнин А. В.* Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. Приложения. С. 247–248.
18. Там же. С. 298–299.

19. *Обручев Н. Н.* Основные исторические вопросы России и наша готовность к их решению // *Коренные интересы России глазами ее государственных деятелей* / Сост. И. Е. Рыбаченок. М., 2004. С. 12–13.
20. Российский государственный Архив военно-морского флота (далее — РГАВМФ). Ф. 410. Оп. 2. Д. 5.551. Л. 20–20 об.
21. РГАВМФ. Ф. 421. Оп. 2. Д. 678. Л. 126–128.
22. Там же. Д. 768. Л. 178–179.
23. Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1964. Л. 160–162.
24. Цит. по: *Дмитриев И. С.* Бензольное кольцо Российской империи. СПб., 2005. С. 20.
25. *Дмитриев И. С.* Бензольное кольцо Российской империи // *Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны.* СПб., 2007. С. 412–414.
26. Там же. С. 416.
27. *Цветков И. Ф.* Русско-германские технические связи в области кораблестроения накануне Первой мировой войны // *Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны.* СПб., 2007. С. 492–493.
28. ПФАРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.
29. Там же.
30. Уставы Российской Академии наук, с. 136.
31. ПФАРАН. Р. IV. Оп. 6. Д. 11. Л. 4.
32. Там же.
33. Там же. Д. 2. Л. 50–51.
34. Там же. Д. 4. Л. 61–62.
35. Там же. Д. 3. Л. 1–2.
36. Там же. Д. 2. Л. 133–134.
37. Там же. Д. 4. Л. 61.
38. Там же. Л. 60–60 об. Т. И. Филиппов был еще известен современникам как писатель и публицист. В декабре 1893 г. он был избран почетным членом Академии наук.
39. РГИА. Ф. 1152. Оп. 11–1893. Д. 164. Л. 56–58.
40. ПФАРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6. Л. 29–31.
41. Там же. Ф. 4. Оп. 11–П. Д. 27.
42. Там же. Ф. 36. Оп. 2. Д. 54. Л. 54–54 об.
43. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 11. Л. 13–16.
44. Там же. Д. 13. Л. 28–28 об.
45. Отчет о деятельности Императорской Академии наук за 1899 год. СПб., 1900. С. 23.
46. ПФАРАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 101 а. Л. 115 об.–116.
47. РГАВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 1789. Л. 285–286.
48. ПФАРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4. Л. 52–52 об.
49. Там же. Д. 14. Л. 39–40.